

Л. Н. Толстой

Анна Каренина

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Анна Каренина: Том 1 / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2016. –
613 с.

ISBN 978-5-517-99310-6

Роман в восьми частях.

ISBN 978-5-517-99310-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

--- Ахъ, ахъ, ахъ!» приговаривалъ онъ съ отчаяніемъ, вспоминая самую тяжелую для себя впечатлѣнія изъ этой ссоры.

Непріятнѣе всего была та первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра, веселый и довольный, съ огромною грушей для жены въ рукѣ, не нашелъ жены въ гостиной, къ удивленію не нашелъ ея и въ кабинетѣ и, наконецъ, увидалъ ее въ спальнѣ съ несчастною, открывшею все, запиской въ рукѣ.

Она, эта вѣчно озабоченная и хлопотливая, и недалекая, какою онъ считалъ ее, Долли, неподвижно сидѣла съ запиской въ рукѣ и съ выраженіемъ ужаса, отчаянія и гнѣва смотрѣла на него.

— Что это? это? — спрашивала она, указывая на записку.

И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучило Степана Аркадьевича не столько самое событіе, сколько то, какъ онъ отвѣтилъ на эти слова жены.

Съ нимъ случилось въ эту минуту то, что случается съ людьми, когда они неожиданно уличены въ чемъ-нибудь слишкомъ постыдномъ. Онъ не сумѣлъ приготовить свое лицо къ тому положенію, въ которое онъ становился передъ женой послѣ открытія его вины. вмѣсто того, чтобъ оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощенія, оставаться даже равнодушнымъ — все было бы лучше того, что онъ сдѣлалъ — его лицо совершенно невольно («рефлексы головного мозга», подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, который любилъ физиологію), совершенно невольно вдругъ улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку онъ не могъ простить себѣ. Увидавъ эту улыбку, Долли вздрогнула какъ отъ физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потокомъ жестокихъ словъ и выбѣжала изъ

комнаты. Съ тѣхъ поръ она не хотѣла видѣть мужа.

«Всею виной эта глупая улыбка», думалъ Степанъ Аркадьевичъ.

«Но что же дѣлать? что дѣлать?» съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ и не находилъ отвѣта.

II

Степанъ Аркадьевичъ былъ человѣкъ правдивый въ отношеніи къ себѣ самому. Онъ не могъ обманывать себя и увѣрять себя, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Онъ не могъ теперь раскаиваться въ томъ, что онъ, тридцати-четырехлѣтній, красивый, влюбчивый человѣкъ, не былъ влюбленъ въ жену, мать пяти живыхъ и двухъ умершихъ дѣтей, бывшую только годомъ моложе его. Онъ раскаивался только въ томъ, что не умѣлъ лучше скрыть отъ жены. Но онъ чувствовалъ всю тяжесть своего положенія и жалѣлъ жену, дѣтей и себя. Можетъ быть, онъ сумѣлъ бы лучше скрыть свои грѣхи отъ жены, если бы ожидалъ, что это извѣстіе такъ на нее подѣйствуетъ. Ясно онъ никогда не обдумывалъ этого вопроса, но смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что онъ невѣренъ ей, и смотритъ на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состарѣвшаяся, уже некрасивая женщина и ничѣмъ не замѣчательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна. Оказалось совсѣмъ противоположное.

«Ахъ, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! — твердилъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и ничего не могъ придумать. — И какъ хорошо все это было до этого, какъ мы хорошо жили! Она была довольна, счастлива дѣтьми, я не мѣшалъ ей ни въ чемъ, предоставлялъ ей возиться съ дѣтьми, съ хозяйствомъ, какъ она хотѣла.

Правда, нехорошо, что *она* была гувернанткой у насъ въ домѣ. Нехорошо! Есть что-то тривіальное, пошлое въ ухаживаніи за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Онъ живо вспомнилъ черные плутовскіе глаза m-lle Roland и ея улыбку). Но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. И хуже всего то, что она уже... Надо же это все какъ нарочно! Ай, ай, ай! Но что же, что же дѣлать?»

Отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта, который даетъ жизнь на всѣ самые сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностями дня, то-есть забыться. Забыться сномъ уже нельзя, по крайней мѣрѣ до ночи; нельзя уже вернуться къ той музыкѣ, которую пѣли графинчики-женщины; стало быть, надо забыться сномъ жизни.

«Тамъ видно будетъ», сказалъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и, вставъ, надѣлъ сѣрый халатъ на голубой шелковой подкладкѣ, закинулъ кисти узломъ и, вдоволь забравъ воздуха въ свой широкій грудной ящикъ, привычнымъ бодрымъ шагомъ вывернутыхъ ногъ, такъ легко носившихъ его полное тѣло, подошелъ къ окну, поднялъ стору и громко позвонилъ. На звонокъ тотчасъ же вошелъ старый другъ, камердинеръ Матвѣй, неся платье, сапоги и телеграмму. Вслѣдъ за Матвѣемъ вошелъ и цырюльникъ съ припасами для бритья.

— Изъ присутствія есть бумаги? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, взявъ телеграмму и сядя къ зеркалу.

— На столѣ, — отвѣчалъ Матвѣй, взглянулъ впросительно, съ участіемъ на барина, и, дождавъ немного, прибавилъ съ хитрою улыбкой: — Отъ хозяина-извозчика приходили.

Степанъ Аркадьевичъ ничего не отвѣтилъ и только въ зеркало взглянулъ на Матвѣя; во взглядѣ, которымъ они встрѣтились въ зеркалѣ, видно было, какъ

они понимаютъ другъ друга. Взглядъ Степана Аркадьевича какъ будто спрашивалъ: это зачѣмъ ты говоришь? развѣ ты не знаешь?

Матвѣй положилъ руки въ карманы своей жакетки, отставилъ ногу и молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрѣлъ на своего барина.

— Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не беспокоили васъ и себя понапрасну, — сказалъ онъ видимо приготовленную фразу.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что Матвѣй хотѣлъ пошутить и обратить на себя вниманіе. Разорвавъ телеграмму, онъ прочелъ ее, догадкой поправляя перевранныя, какъ всегда, слова, и лицо его просіяло.

— Матвѣй, сестра Анна Аркадьевна будетъ завтра, — сказалъ онъ, остановивъ на минуту глянцевиую, пухлую руку цырюльника, расчищавшаго розовую дорожку между длинными кудрявыми бакенбардами.

— Слава Богу, — сказалъ Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая, что онъ понимаетъ такъ же, какъ и баринъ, значеніе этого приѣзда, то-есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьевича, можетъ содѣйствовать примиренію мужа съ женой.

— Однѣ или съ супругомъ? — спросилъ Матвѣй.

Степанъ Аркадьевичъ не могъ говорить, такъ какъ цырюльникъ занятъ былъ верхнею губой, и поднялъ одинъ палець. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

— Однѣ. Наверху приготовить?

— Дарьѣ Александровнѣ доложи, гдѣ прикажутъ.

— Дарьѣ Александровнѣ? — какъ бы съ сомнѣніемъ повторилъ Матвѣй.

— Да, доложи. И вотъ возьми телеграмму, передай, что онѣ скажутъ.

«Попробовать хотите», понялъ Матвѣй, но онъ сказалъ только: — Слушаю-съ.

Степанъ Аркадьевичъ уже былъ умытъ и расчесанъ и собрался одѣваться, когда Матвѣй, медленно

ступая поскрипывающими сапогами, съ телеграммой въ рукѣ вернулся въ комнату. Цырюльника уже не было.

— Дарья Александровна приказали доложить, что онѣ уѣзжаютъ. Пускай дѣлаютъ, какъ имъ, вамъ то-есть, угодно, — сказалъ онъ, смѣясь только глазами, и, положивъ руки въ карманы и склонивъ голову на бокъ, устался на барина. Степанъ Аркадьевичъ помолчалъ. Потомъ добрая и нѣсколько жалкая улыбка показалась на его красивомъ лицѣ.

— А? Матвѣй? — сказалъ онъ, покачивая головой.

— Ничего, сударь, образуется, — сказалъ Матвѣй.

— Образуется?

— Такъ точно-съ.

— Ты думаешь? Это кто тамъ? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, услыхавъ за дверью шумъ женскаго платья.

— Это я-съ, — сказалъ твердый и пріятный женскій голосъ, и изъ-за двери высунулось строгое, рябое лицо Матрены Филимоповны, нянюшки.

— Ну что, Матреша? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя къ ней въ дверь.

Несмотря на то, что Степанъ Аркадьевичъ былъ кругомъ виноватъ предъ женой и самъ чувствовалъ это, почти всѣ въ домѣ, даже нянюшка, главный другъ Дарьи Александровны, были на его сторонѣ.

— Ну что? — сказалъ онъ уныло.

— Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Богъ дастъ. Очень мучаются, и смотрѣтъ жалости, да и все въ домѣ вынтараты пошло. Дѣтей, сударь, пожалѣтъ надо. Повинитесь, сударь. Что дѣлать! Люби кататься...

— Да вѣдь не приметъ...

— А вы свое сдѣлайте. Богъ милостивъ, Богу молитесь, сударь, Богу молитесь.

— Ну хорошо, ступай, — сказали Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ покраснѣвъ. — Ну, такъ давай одѣваться, — обратился онъ къ Матвѣю и рѣшительно скинулъ халатъ.

Матвѣй уже держалъ, сдувая что-то невидимое, хомутомъ приготовленную рубашку и съ очевиднымъ удовольствіемъ облекъ въ нее холеное тѣло барина.

III

Одѣвшись, Степанъ Аркадьевичъ прыснулъ на себя духами, выправилъ рукава рубашки, привычнымъ движеніемъ разсовалъ по карманамъ папиросы, бумажникъ, спички, часы съ двойною цѣпочкой и брелоками и, встряхнувъ платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и физически веселымъ, несмотря на свое несчастіе, вышелъ, слегка подрагивая на каждой ногѣ, въ столовую, гдѣ уже ждалъ его кофе и, рядомъ съ кофеемъ, письма и бумаги изъ присутствія.

Онъ прочелъ письма. Одно было очень непріятное, — отъ купца, покупавшаго лѣсъ въ имѣніи жены. Лѣсъ этотъ необходимо было продать; но теперь, до примиренія съ женой, не могло быть о томъ рѣчи. Всего же непріятнѣе тутъ было то, что этимъ подмѣшивался денежный интересъ въ предстоящее дѣло его примиренія съ женой. И мысль, что онъ можетъ руководиться этимъ интересомъ, что онъ для продажи этого лѣса будетъ искать примиренія съ женой, — эта мысль оскорбляла его.

Окончивъ письма, Степанъ Аркадьевичъ придвинулъ къ себѣ бумаги изъ присутствія, быстро перелистовалъ два дѣла, большимъ карандашомъ сдѣлалъ нѣсколько отмѣтокъ и, отодвинувъ дѣла, взялся за кофе; за кофеемъ онъ развернулъ еще сырую утреннюю газету и сталъ читать ее.

Степанъ Аркадьевичъ получалъ и читалъ либе

ральную газету, не крайнюю, но того направленія, котораго держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, онъ твердо держался тѣхъ взглядовъ на всѣ эти предметы, какихъ держалось большинство и его газета, и измѣнялъ ихъ только тогда, когда большинство измѣняло ихъ, или, лучше сказать, не измѣнялъ ихъ, а они сами въ немъ незамѣтно измѣнялись.

Степанъ Аркадьевичъ не избиралъ ни направленія, ни взглядовъ, а эти направленія и взгляды сами приходили къ нему, точно такъ же какъ онъ не выбиралъ формы шляпы или сюртука, а бралъ тѣ, которые носятъ. А имѣть взгляды ему, жившему въ извѣстномъ обществѣ, при потребности нѣкоторой дѣятельности мысли, развивающейся обыкновенно въ лѣта зрѣлости, было такъ же необходимо, какъ имѣть шляпу. Если и была причина, почему онъ предпочиталъ либеральное направленіе консервативному, какого держались тоже многіе изъ его круга, то это произошло не отъ того, чтобы онъ находилъ либеральное направленіе болѣе разумнымъ, но потому, что оно подходило ближе къ его образу жизни. Либеральная партія говорила, что въ Россіи все дурно, и дѣйствительно, у Степана Аркадьевича долговъ было много, а денегъ рѣшительно не доставало. Либеральная партія говорила, что бракъ есть отжившее учрежденіе и что необходимо перестроить его, и дѣйствительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствія Степану Аркадьевичу и принуждала его лгать и притворяться, что было такъ противно его натурѣ. Либеральная партія говорила, или лучше подразумѣвала, что религія есть только узда для варварской части населенія, и дѣйствительно, Степанъ Аркадьевичъ не могъ вынести безъ боли въ ногахъ даже короткаго молебна и не могъ понять, къ чему всѣ эти страшныя и высокопарныя слова

о томъ свѣтѣ, когда и на этомъ жить было бы очень весело. вмѣстѣ съ этимъ Степану Аркадьевичу, любившему веселую шутку, было пріятно иногда озадачить смирнаго человѣка тѣмъ, что если уже гордиться породой, то не слѣдуетъ останавливаться на Рюрикѣ и отрекаться отъ перваго родоначальника — обезьяны. Итакъ, либеральное направленіе сдѣлалось привычкой Степана Аркадьевича, и онъ любилъ свою газету, какъ сигару послѣ обѣда, за легкій туманъ, который она производила въ его головѣ. Онъ прочелъ руководящую статью, въ которой объяснялось, что въ наше время совершенно напрасно поднимается вопль о томъ, будто бы радикализмъ угрожаетъ поглотить все консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять мѣры для подавленія революціонной гидры, что, напротивъ, «по нашему мнѣнію, опасность лежитъ не въ мнимой революціонной гидрѣ, а въ упорствѣ традиціонности, тормозящей прогрессъ», и т. д. Онъ прочелъ и другую статью, финансовую, въ которой упоминалось о Бентамѣ и Миллѣ и подпускались шпильки министерству. Со свойственною ему быстротою соображенія онъ понималъ значеніе всякой шпильки: отъ кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, какъ всегда, доставляло ему нѣкоторое удовольствіе. Но сегодня удовольствіе это отравлялось воспоминаніемъ о совѣтахъ Матрены Филимоновны и о томъ, что въ домѣ такъ неблагополучно; онъ прочелъ и о томъ, что графъ Бейстъ, какъ слышно, проѣхалъ въ Висбаденъ, и о томъ, что нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ, и о продажѣ легкой кареты, и предложеніе молодой особы; но эти свѣдѣнія не доставляли ему, какъ прежде, тихаго, ироническаго удовольствія.

Окончивъ газету, вторую чашку кофе и калачъ съ масломъ, онъ всталъ, стряхнулъ крошки калача съ жилета и, расправивъ широкую грудь, радостно улыба-

нулся, не отъ того, чтобы у него на душѣ было что-нибудь особенно пріятное, — радостную улыбку вызвало хорошее пицевареніе.

Но эта радостная улыбка сейчасъ же напомнила ему все, и онъ задумался.

Два дѣтскіе голоса (Степанъ Аркадьевичъ узналъ голоса Гриши, меньшого мальчика, и Тани, старшей дѣвочки) послышались за дверьми. Они что-то везли и уронили.

— Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажировъ, — кричала по-англійски дѣвочка; — вотъ подбирай!

«Все смѣшалось, — подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, — вонъ дѣти одни бѣгають». И, подойдя къ двери, онъ кликнулъ ихъ. Они бросили шкатулку, представлявшую поѣздъ, и вошли къ отцу.

Дѣвочка, любимица отца, вбѣжала смѣло, обняла его и, смѣясь, повисла у него на шеѣ, какъ всегда, радуясь на знакомый запахъ духовъ, распространявшійся отъ его бакенбардъ. Поцѣловавъ его наконецъ въ покраснѣвшее отъ наклоненнаго положенія и сіяющее нѣжностью лицо, дѣвочка разняла руки и хотѣла бѣжать назадъ, но отецъ удержалъ ее.

— Что мама? — спросилъ онъ, водя рукой по гладкой, нѣжной шейкѣ дочери. — Здравствуй, — сказалъ онъ, улыбаясь здоровавшемуся мальчику.

Онъ сознавалъ, что меньше любитъ мальчика, и всегда старался быть ровень; но мальчикъ чувствовалъ это и не отвѣтилъ улыбкой на холодную улыбку отца.

— Мама? Встала, — отвѣчала дѣвочка.

Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ.

«Значить, опять не спала всю ночь», подумалъ онъ.

— Что, она весела?

Дѣвочка знала, что между отцомъ и матерью была

ссора, и что мать не могла быть весела, и что отецъ долженъ знать это, и что онъ притворяется, спрашивая объ этомъ такъ легко. И она покраснѣла за отца. Онъ тотчасъ же понялъ это и также покраснѣлъ.

— Не знаю, — сказала она. — Она не велѣла учиться, а велѣла идти гулять съ миссъ Гуль къ бабушкѣ.

— Ну, иди, Танчурочка моя. Ахъ да, постой, — сказалъ онъ, все-таки удерживая ее и глядя ея нѣжную ручку.

Онъ досталъ съ камина, гдѣ вчера поставилъ, коробочку конфетъ и далъ ей двѣ, выбравъ ея любимыя, шоколадную и помадную.

— Гришѣ? — сказала дѣвочка, указывая на шоколадную.

— Да, да. — И еще погладивъ ея плечико, онъ поцѣловалъ ее въ корни волосъ и шею и отпустилъ ее.

— Карета готова, — сказалъ Матвѣй. — Да просительница, — прибавилъ онъ.

— Давно тутъ? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Съ полчаса.

— Сколько разъ тебѣ приказано сейчасъ же докладывать!

— Надо же вамъ дать хоть кофею откушать, — сказалъ Матвѣй тѣмъ дружески-грубымъ тономъ, на который нельзя было сердиться.

— Ну, проси же скорѣе, — сказалъ Облонскій, морщась отъ досады.

Просительница, штабсъ-капитанша Калинина, просила о невозможномъ и безтолковомъ; но Степанъ Аркадьевичъ, по своему обыкновенію, усадилъ ее, внимательно, не перебивая, выслушалъ ее и далъ ей подробный совѣтъ, къ кому и какъ обратиться, и даже бойко и складно своимъ крупнымъ, растянутымъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ написалъ ей записочку